

«TRAITÉ DES RELIQUES» КАЛЬВИНА, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Н. И. Радциг

Широкой публике Кальвин известен почти исключительно как автор «Наставления в христианской вере». Да и многие историки склонны почти что игнорировать остальные его произведения. «Это великое творение, — говорит про «Наставление» Лефран, — господствует и заключает в себе всю деятельность реформатора, интеллектуальную и религиозную. Номо unius libri. Чтобы познать Кальвина, нужно лишь одно «Наставление».¹ Лучшим опровержением этих слов Лефрана является «Трактат о реликвиях», наиболее нам понятное из произведений Кальвина, отличающееся жестким юмором и тонким критическим чутьем. Правда, и до сих пор среди ученых нет единодушной оценки этого сравнительно небольшого труда. Пти-де-Жюльвиль² считает его не заслуживающим той известности, какою он пользовался у современников, и утомляющим читателя своими однообразными дешевыми островами. Два последних издателя «Трактата» — Денкингер и Отён,³ напротив, придают ему большую важность; первый, между прочим, ссылается на то, что эта работа Кальвина выдержала не менее десяти французских изданий за время с 1544 по 1611 г., пять латинских — с 1552 по 1667 г., и даже в XIX в. была издана четыре раза. Кроме того, переведенная на немецкий, английский и голландский языки, она и тут имела не одно издание.

Очень высоко расценивает аргументацию и метод Кальвина в «Трактате» и Платтар.⁴ Сам Лефран, как будто вразрез с приведенным выше утверждением, в одной из своих ранних работ так отзывался о «Трактате»: «Траité des reliques» является, наверно, одной из работ, наиболее любопытных и наиболее характерных, какие только выходили из-под пера Кальвина. Его слишком мало читают в наше время». ⁵ Наша задача — не только попытаться разрешить этот спор ученых, но и дать историческое объяснение этой работе Кальвина, определить ее источники и указать ее место среди других его трудов.

Первое издание «Трактата» вышло в Женеве в 1543 г. Задуман он был автором, вероятно, раньше. По крайней мере, уже во время Регенсбургского совещания (1541 г.) Кальвин обращал внимание на идолопоклонство, на почитание мощей и святых, на остатки язычества.⁶ Да

¹ Calvin. Institution, éd. par A. Lefranc, 2 v. Paris, 1911, Champion. Intr., p. 2.

² Histoire de la langue et de la littérature française, t. III, p. 338. Paris, 1897.

³ Первый — в Oeuvres choisies de Calvin, publ. par la com-pte des pasteurs. Genève, 1909; второй — в Collection des chefs d'oeuvre méconnus, éd. Bossard. Paris, 1921. Все дальнейшие цитаты даны по этому последнему изданию.

⁴ Plattard. La Renaissance des lettres en France, 1925, pp. 72—73.

⁵ «La jeunesse de Calvin». Paris, 1888, p. b. Walker («J. Calvin». Genève, 1909, p. 346) считает, что «le plus mordant pamphlet de ce genre que la Réforme ait produit, est un des plus importants écrits de Calvin à cette époque».

⁶ См. Merle D'Aubigné. Histoire de la Réformation en Europe au temps de Calvin, t. VII, 1876, p. 50.

и в «Письме королю Франции», предпосланном первому изданию «Наставления», имеются выпады против культа святых и чудес, совершаемых через их посредство. Но все эти мысли облекаются в стройную систему лишь в 40-х годах XVI в. Это было время не только наиболее активной деятельности самого Кальвина, но и наиболее острой борьбы католицизма с протестантизмом вообще. Католицизм вступал в полосу своей внутренней «реформации», подсчитывал свои силы, производил обследование вражеских позиций, прежде чем перейти в решительное наступление. Реформации надо было думать об отпоре. Кому, как не Кальвину, ставшему в эти годы главным руководителем новой реформации, пришлось возвысить свой голос, к которому с таким благоговением прислушивались его единоверцы! И каждая новая работа Кальвина служила не только теоретическим обоснованием его положений, но и вела штурм той или иной позиции католицизма.

Поставив себе задачей реставрацию апостольских порядков, реформация не могла не обрушиться на почитание святых и так называемых реликвий, т. е. всего того, что было связано с представлениями о земном существовании Христа, его учеников и святых. Культ святых и реликвий был неизвестен раннему христианству. Его не знает и новозаветная история. И тем не менее он так сроднился с католицизмом, что католицизм без него немыслим: католицизм вобрал в себя многочисленные пережитки паганизма; человечество, привыкшее к античному политеизму, не могло сразу перейти к монотеизму.¹ Петроний в эпоху Нерона иронизировал, что в его время на земле скорее можно встретиться с богом, чем с человеком. Позднее Августин отказывался назвать всех богов: «богов неба и земли, рек и ручьев, туземных и чужих, греческих и варварских: всех не перечесть!» И подданные Римской империи, став христианами, свои политеистические привычки проявляли в почитании святых. Новые святые иногда рождались даже без ведома церкви. Случались курьезы: сначала молились святому, потом подыскивали ему имя и историю.² Церковь нередко боролась с подобными народными культами, но культ святых, как таковой, она приняла и пыталась обосновать. Один из богословов объяснял необходимость культа святых так: «Вследствие нашей скудной способности к созерцанию, — почему мы не в силах взирать на горний свет в нем самом, — должны мы, по крайней мере, созерцать его в святых; ибо вследствие скудной способности к любви человек в своем несовершенстве часто чувствует большую любовь к какому-нибудь святому, чем к богу». Поэт Пруденций добавлял второй аргумент: «Святые всеильны у господя; они изливают на землю благодеяния, подобно тому, как поток — воду; приходящие к их могилам в слезах, возвращаются с веселым сердцем; Христос ни в чем не может отказать людям, которые, свидетельствуя о нем, подверглись смерти».³

Почти одновременно с культом святых распространяется и почитание реликвий. Уже император Юлиан жаловался, что галлиейцы наводняют его государство сувенирами (memoriae) в честь святых. Возрастание количества святых сопровождалось и размножением реликвий. Нашествия норманнов на южную Европу, угроза мусульман на Востоке содействовали перенесению мощей в страны Западной и Центральной Европы. Первоначально под видом реликвий почитались предметы, находившиеся со святыми в непосредственном соприкосновении, на-

¹ «...Раз возникнув, — говорит Энгельс, — религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен...» («Людвиг Фейербах», 1939, стр. 51).

² См. статью Г. П. Федотова «Боги подземные» в сб. «Россия и Запад», 1923.

³ См. Буассье. Падение язычества. М. 1891, стр. 314.

пример, обрывки одежды, обломки гробницы, следы крови и т. п.¹ Так, после смерти Мартина Турского его облачение стало самой ценной реликвией в королевской сокровищнице. Бернарда Клервоского считали святым еще при жизни. Однажды, когда он направлялся в Милан, весь город высыпал ему навстречу; его почти оставили без одежды, разорвав ее на реликвии. Очень рано к реликвиям стали причислять и мощи святых. Поэтому и стало практиковаться расхищение гробниц и самое варварское дробление покоившихся в них останков. За реликвиями в широком смысле слова началась настоящая охота. Вмешательство и запрещения духовной власти не помогали. Популярная в средние века поэма «Pèlerinage de Charlemagne» говорит, что Карл Великий привозил из Иерусалима ряд ценных реликвий. Султан Баязет посылает в подарок папе священное копье, которым якобы был пронзен Христос на кресте и которое попало в руки турок при взятии ими Константинополя; любопытно, что папа принимает этот подарок, хотя ему известно, что один экземпляр такого копья уже находится в Sainte-Chapelle в Париже, а другой — в Нюрнбергском соборе.² Паломников, возвращавшихся с Востока с пустыми руками, встречали насмешками. За особенно редкие реликвии платили большие деньги. На реликвии переносили ту чудодейственную силу, какую приписывали святому. «Святые останки апостолов, как они ни малы, заключают в себе истину всего их телесного мученичества. Они пришли к нам со всею своей силой», — говорил в конце IV в. епископ руанский Виктриций по случаю прибытия во Францию мощей некоторых апостолов. Поэтому в повседневной жизни средневекового человека мощи и вообще реликвии играли всегда большую роль. На них давали торжественные клятвы; их выставляли во время эпидемий; к ним обращались за помощью и исцелением от болезней;³ их носили в процессиях; они появлялись на соборах в качестве свидетелей истины и спасителей христианства. Повсеместно была развита вера в исходящую от них благодать и чудеса.⁴

Вследствие большого спроса на реликвии торговля ими сделалась выгодным делом и получила большое распространение, а вместе с тем появился и обман доверчивой публики. Поднялись, естественно, и протестующие голоса. Уже Августин был смущен формами, какие в его время принял культ святых мучеников. «Не подражайте, — говорил он своей пастве, — толпе неопытных людей, которые даже в своей правой вере погрешают; я знаю, что много есть таких, которые поклоняются гробницам и изображениям... мы не должны чтить их [т. е. святых], как богов; мы не хотим подражать язычникам, которые обожествляют умерших. Мы не строим им храмов, не воздвигаем алтарей, но из их костей создаем алтарь единому богу». Августина возмущали и обманы, которые практиковались торговцами священными

¹ Hanotaux. Histoire de la Nation française, t. VI — Gouan. Histoire religieuse. Paris, 1922, pp. 28, 29, 48, 316 sqq.

² «Инфессура и Бурхард. Дневники», пер. под ред. Лозинского. М., 1930, стр. 29.

³ Например, в 1559 г., когда король Генрих II умирал от раны, полученной на турнире, к нему приносили раки св. Марцела и св. Женевьевы, животворящий крест, терновый венец и другие реликвии.

⁴ Sartiaux. Foi et Science au Moyen-âge. Paris. Rieder, 1926 p. 81. Ср. слухай, описанный у Энгельса: «Когда посланцы суассонского монастыря С. Медар с большим трудом выпросили в Риме тело св. Себастьяна и к тому же украли тело св. Григория и останки обоих были помещены в монастыре, то к новым святым бежалось столько народа, что окрестность была им усеяна, как саранчой, и искавшие помощи исцелялись не поодиночке, а целыми толпами. Монахам пришлось поэтому мерять деньги четвериками, которых они насчитывали 85, и их золотой запас достигал 900 ф.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 325).

предметами.¹ В VIII в. Бонифаций, апостол Германии, жаловался на некоего Альдеберта, объявившего себя епископом; Альдеберт хвалился, что имеет послание от самого Христа и реликвии, полученные от ангела, раздавал свои волосы и ногти легковверной толпе, строил в честь себя часовни, называл себя святым.² Папа Иннокентий III осуждал наплыв на Запад в связи с завоеванием Константинополя восточных реликвий и торговлю ими, сопровождавшуюся всякого рода обманами. Поместные соборы не раз обращали внимание на торговлю поддельными реликвиями. В изящной литературе сюжет с торговлей фальшивыми «священными» предметами является довольно частым. В фавлье «Торгаш» (Mercier) перечисляются предметы торговли французского купца XIII в., в том числе и фальшивые кости святых. Средневековые драмы и фарсы глумятся над монахами, торгующими реликвиями. Один из таких шарлатанов показывает публике гребецок петуха, запевшего во дворе у Пилата, и половину доски от великого ноева ковчега.³ В «Декамероне» Боккаччо тоже выводится обманщик, ловко обдывающий свои дела с различными священными предметами.

Наиболее яркий и развернутый протест против почитания реликвий раздался из уст французского монаха XII в. — Гвиберта Ножанского. От Гвиберта дошло до нас несколько трудов, свидетельствующих об его учености, наблюдательности и критических способностях.⁴ Почитанию святых и реликвий он посвятил не только специальный труд «De pignoribus sanctorum», но отвел место и в других своих сочинениях. Рассказывая о первом крестовом походе, он высказывает сожаление, чтобы при всякого рода описаниях соблюдали возможную осторожность, но особенно осторожным следует быть по отношению к реликвиям: уже очень много расплодилось подложных реликвий. Бывают курьезы: одна и та же реликвия встречается в нескольких местах. Здесь ясно виден кощунственный обман, порожденный современной людской распушенностью (perversitas). Люди выжигают себе стигматы на теле, крест на лбу и удастаиваются почитания среди своих ближних. Трактат «De pignoribus» навеян, несомненно, чтением Августина, но составлен по случаю претензий монахов Сен-Медара в Суассоне на обладание зубом Христа (около 1119 г.). Эти претензии выводят автора из себя. Сколь преступно предполагать, что известная часть тела могла отсутствовать у господина всех тварей во время его воскресения! Автор отмечает мрак, окутывающий почитание святых, и приводит примеры странного возникновения подобных культов. Был в Бовези, говорит он, случай, когда народ провозгласил святым одного юношу, умершего в святую ночь. молился на его могиле, возжигал свечи и т. п. Он высказывает сомнение в том, чтобы культ святых вообще был нужен для спасения. Но особенно его возмущают проделки шарлатанов и легковверие людей. Он рассказывает, как ему самому пришлось присутствовать на проповеди одного заезжего монаха. Тот показывал ковчег, полный разнообразных реликвий, и сообщал толпе набожных людей всякие небылицы; между прочим, вынул хлеб, который будто бы закусил своими зубами сам Христос. Гвиберт кается, что он не изболчил обманщика тут же, чтобы не подорвать в народе веры. Гвиберт приводит примеры несомненно фальшивых реликвий, в

¹ Буассье, стр. 314. Сочинения Августина, в которых об этом говорится: «De opere monachorum», «De sermone Domini in monte», «Contra Adversarium».

² Соуан, pp. 117, 245.

³ Lenient. La satire en France au moyen âge, pp. 324, 349. Paris, 1893.

⁴ См. статью Лефрана в «Etudes d'histoire du moyen âge, dédiés à G. Monod», 1896.

том числе череп Иоанна Крестителя, на который одновременно претендовали Анжер и Константинополь. Безусловно подложными считает Гвиберт реликвии, будто бы оставшиеся от Христа: он считает невозможным, чтобы Христос мог оставить на земле хотя бы кусочек своего тела, особенно в годы юности, когда окружающие его не предполагали его великой будущности.

Несколько глав своего трактата Гвиберт посвящает перечислению реликвий, которые он считает несомненно фальшивыми. Любопытно, что многие из приводимых им примеров встречаются потом и у Кальвина. Невольно поднимается вопрос о взаимоотношении обоих трактатов, столь сходных по содержанию. Это предположение о позаимствовании Кальвина у Гвиберта как будто подтверждается следующим обстоятельством: Кальвин вырос и долго жил неподалеку от аббатства, где писал Гвиберт. Однако большой знаток Кальвина Лефран высказывается по этому поводу отрицательно: «Никакого взаимоотношения нельзя установить между двумя этими трактатами, потому что труд монаха остался в рукописи, да и таковая наверно существовала лишь в одном экземпляре». Отдельные совпадения он объясняет случайностью или позаимствованиями из одного общего источника, каким и для Кальвина, и для Гвиберта был Августин. С этим мнением компетентного критика приходится согласиться и указать, со своей стороны, еще два аргумента в его пользу. Во-первых, Гвиберт, из боязни подвергнуться церковному осуждению, вряд ли стремился бы распространять свой труд. Во-вторых, если бы его трактат был известен Кальвину или другому реформатору, они его напечатали бы и использовали для борьбы с католической церковью, как это они делали со многими нужными для их дела творениями прошлого.

Но косвенно выпады Гвиберта против реликвий и культа святых могли оказать реформации услугу. Подобных Гвиберту протестующих голосов внутри церкви было не мало на протяжении средних веков. Начиная с современника Августина Вигилянция, осуждавшего безусловно всякого рода почития, воздаваемые святым, и кончая современником Лютера и Кальвина — секретарем его католического величества Карла V, Альфонсом Вальдесом, смеявшимся над культом реликвий, — все это время критика почти не смолкала. Это и могло помочь реформации в деле обличения господствующей церкви. Мало того: по мере приближения к XVI в. протесты эти становятся все более частыми и резкими. Они раздаются с церковной кафедры, встречаются в виде отдельных вылазок в творениях гуманистов и либертинов.¹ Это объясняется и новыми веяниями в общественной идеологии и безобразными формами, какие принимал культ святых и реликвий.

Дух капиталистического накопления сказался и тут.² Реликвии становятся объектом всевозможных корыстных спекуляций. Они источник обогащения для властей светских и духовных. Граждане Ассизи зовут Франциска умирать у них, чтобы не дать завладеть его мощами какому-нибудь другому городу. Однажды венецианцы вели переговоры с гражданами Форли по поводу останков умершего там какого-то святого человека, творившего чудеса; предлагали им щедро заплатить и на свой счет выхлопотать у римской курии канонизацию умершего. В другой раз та же Венеция задумала приобрести мощи Луки Боснийского. Но оказалось, что на эти мощи уже претендует Падуя; пришлось прибегнуть к вмешательству папы. В 1462 г. папа Пий II приоб-

¹ Lenient, t. I, pp. 178—179. Paris, 1886.

² См.: Буркгард. Культура Италии в эпоху Возрождения, тт. I и II (1905, 1906); Бецольд. История реформации в Германии, т. I (1900); Lavissee. Histoire de France, t. V, p. I. Paris, 1903.

ретает для себя голову апостола Андрея, которую тщетно старались у него перебить многие государи, и с торжеством, при ликовании народа, водворяет ее в соборе св. Петра. На приобретение реликвий тратились огромные деньги; из реликвий составлялись целые сокровищницы, которыми похвалялись друг перед другом города, государи, вельможи. Из-за реликвий возникали споры и судебные процессы. В г. Нойоне, родине Кальвина, в XV в. произошел спор из-за мощей Элигия: кто обладает подлинными мощами этого духовника короля Дагобера — капитул ли кафедрального собора или аббатство имени этого святого? Спор длился 60 лет. Жалобы сыпались за жалобами, постановления за постановлениями. Парламент высказался в пользу капитула, но в общем дело так и осталось ни для кого не выясненным.¹

Были случаи похищения реликвий с корыстными целями. В 1575 г., например, из парижской Sainte-Chapelle чья-то святотатственная рука похитила кусочек креста господня; всего любопытнее конец истории: говорили, что королева-мать, Катерина Медичи, жадная до денег, продала святыню итальянцам, торговавшим тогда такими реликвиями по всей Европе.

Однако все это мало отражалось на культе реликвий: не только народ, но и многие представители интеллигенции принимали на веру все, что преподносилось им церковной властью или являлось простым заблуждением. В Милане в 1517 г. при перестройке алтаря в Сан-Симплициано монахи потревожили нечаянно шесть трупов святых. Когда вслед за тем над страной пронеслась буря с сильными ливнями, народ решил, что это произошло по милости монахов, и монахи подвергались избиению везде — на улицах, площадях, где их только встречали. В Падуе верили, что когда городу угрожает какая-нибудь опасность, то над городом по ночам носятся стоны святых, что у трупа одной святой монахини в Санта-Киара растут ногти и волосы, что она, предупреждая о беде, беспокойно ворочается и поднимает руки к небу, и т. д. Сам Кальвин у себя в Нойоне встретился со следующим случаем невежества публики в отношении к священным предметам: «Я припоминаю, — говорит он, — что на моих глазах делали с образами в нашем приходе, когда я был малым ребенком. Когда наступал праздник св. Стефана, вместе с его изображением убирали венчиками и лентами и изображения тиранов, побивавших его камнями (так ведь и зовут их на обычном языке). Наивные женщины, видя тиранов в убранстве, принимали их за спутников святого, и каждый из них получал свою свечу. Больше того: это делалось и по отношению к дьяволу на иконе св. Михаила».² Изобилие реликвий не только не порождало сомнений, но придавало известную импозантность церковным актам. Когда в 1535 г. король Франциск I решил устроить искупительное мольбствие по случаю кощунственной выходки протестантов, в процессии 21 января фигурировали следующие реликвии: раки св. Ландри, Марка, Гонория, Женевьевы; головы св. Мартина, Филиппа и Людовика; частицы креста и тернового венца, наконечник копья, сосуд и губка с кровью христовой, плащ Христа без шва, молоко Богоматери и погребальные пелены и даже жезл Моисея и стол, сделанный в пустыне сынами Израиля, и т. п.³ Среди церквей тоже особым почитанием пользовались те, где было особенно много реликвий. Таких церквей было не мало и в столице, где их обаяние продержалось до самой революции 1789 г.,⁴ и в провинции. Вот, например, одна такая

¹ Doumergue. J. Calvin, t. I, p. 40. Lausanne. 1899.

² «Traité des reliques», p. 196.

³ Doumergue. Portraits et Récits du XVI s. 1906, pp. 27, 40.

⁴ См. Мерсье. Картины Парижа, т. I. 1935.

церковь — Saint-Chartier de Javarsay. Она имела 115 реликвий, привезенных из Рима в начале XVI в. кардиналом Перро, местным уроженцем; среди них были: кость Авраама, кусочек жезла Аарона, молоко богоматери, ее же нагрудник, указательный палец Крестителя и др.¹ Вокруг некоторых реликвий выросли легенды, объяснявшие их происхождение. Вот, например, история «рубашки из Шартра» — рубашки св. девы. Просветителем Шартра, говорит легенда, был будто бы св. Потенциан, посланный сюда св. Петром. Получив свет христовой веры, жители Шартра, послали людей в Иерусалим к св. деве, чтобы поклониться ей. Та благословила их и дала им «рубашку, которую она носила во время благовещения ангела». Говорили, что реликвия эта сотворила много чудес, а в 1568 г. спасла Шартр от нападения гугенотов.

Всюду реликвии показывались, как достопримечательности. Вот несколько выдержек из дневника Браккенгофера, посетившего Францию в 1643—1644 гг. Хотя рассказ его относится ко времени более позднему, чем век реформации, но то, что он говорит о реликвиях, существовало и во время Кальвина, притом наверное в более грубой форме.² В ризнице церкви св. Лаумерия в Валуа он видел следующие реликвии: «руку св. Антония; череп св. Лубиния, епископа Шартрского; несколько кусков креста Христова; в стеклянном флаконе молоко богоматери; терние из венца Христова; несколько кусочков от пояса св. Маргариты; череп Марии Египетской; руку св. Лаумерия и руку св. Теклы, ученицы ап. Павла; кусок руки св. Фиакра; голову св. Винченца-Мученика; кусок кости св. Максимиана-Исповедника и еще несколько других, частью в серебряных ковчежцах, которые носят в процессиях». В небольшом городе Вандоме Браккенгофер посетил местный монастырь: «При входе в церковь, — рассказывает он, — над порталом помещены господь Иисус Христос и 12 апостолов в естественную величину, работы одного монаха. В церкви нам показали св. слезу господя нашего, помещенную непосредственно в маленьком стакане; но этот последний заключен в другой, оправленный золотом, с ручкой или стержнем, позволяющим его легко держать. Христос будто бы пролил эту слезу над Лазарем, один из ангелов подобрал ее и заключил в этот стакан, который в средние века (sic!) будто бы достался одному из графов Вандомских, а тот передал ее в эту церковь. Прибавляют, что слеза эта будто бы сотворила много чудес, вернув зрение многим слепым путем простого прикосновения. Слеза эта сохраняется на хорах, в небольшом шкафу. Когда монах нам ее показывал, он сперва надел стихарь, потом надел себе на правую руку два больших кольца, взял слезу, тайком коснулся ею наших глаз и уст... После того нам показали в другом отделении другие реликвии, как то: череп св. Андрея и череп св. Магдалины, терние из венца Христова и пр.; люди опускались на колени перед решеткой, которая их разделяла, и давали монаху свои четки, чтобы иметь возможность с его помощью прикоснуться к этим священным предметам». «В Шампиньи, — рассказывает далее Браккенгофер, — в капелле показывают следующие предметы поклонения: кровь Христа в небольшом круглом стеклянном флаконе; один из 32 серебряников, полученных Иудой у евреев... впрочем монета эта не кажется оригиналом, но только сплавом; мое мнение, что здесь, как и во многих других местах, обманывают престоудных людей. Далее, древо от креста Христова, терние из его венца, длиной с палец, тонкое, жесткое и в крови; волосы св. девы; кости св. Себастиана и пр.»

¹ Vicnot. Hist. de la Réforme franç. Paris. 1926, p. 9.

² Brackenhöffer. Voyage en France 1643—1644, pp. 175, 190, 218, Paris, 1925.

Я остановился на этих рассказах Бракенгофера, потому что то, что видел этот иностранец, видели и современники Кальвина. Спокойный и наблюдательный немец, протестант, но чуждый какой бы то ни было конфессиональной нетерпимости, смотрит на реликвии, как на диковинку, и приходит относительно них к отрицательному заключению. Тем сильнее реагировали на все это современники реформации. И Кальвин с ранних лет был знаком со многими коллекциями реликвий. Близ Нойона было старинное Урканское аббатство, обладавшее массой священных предметов.¹ Во время своих поездок по Франции Кальвин побывал в г. Пуатье. В отношении реликвий это был город выдающийся. Здесь, между прочим, Кальвин мог видеть одну странную реликвию — отпечаток ноги господней. Надпись в церкви Радегонды гласит: «Monument du Pas-de-Dieu. 3 августа 587 г. господь наш явился св. Радегонде, чтобы возвестить ей ее близкую смерть и славу, уготованную ей на небе; он ей сказал: «ты драгоценная жемчужина моей короны». Исчезая, он оставил отпечаток своей правой ноги на камне, на котором стоял».² Другие города, без сомнения, могли дать ему сведения, не менее поучительные.

Весь этот материал получал в глазах реформаторов особенное значение; первые шаги реформации повели к разоблачению многих обманов католического духовенства в области почитания икон и реликвий. В Англии посланные Кромвелем в объезд по монастырям ревизоры отправляли в Лондон целые возы с мощами и чудотворными иконами, возбуждавшими удивление тем, что шевелили глазами, испускали вздохи или качали головой. В аббатстве Гельском имелся флакон с кровью Христа; комиссары, открыв сосуд, нашли в нем простой растительный клей; и т. д.³ То же имело место и в других странах, где появилась реформация. Как курьез, надо отметить, что после того как в Англии пал спрос на реликвии в связи с укреплением реформации, во Францию были оттуда привезены эти самые объекты католического культа в большом количестве.⁴ Кальвину это не могло остаться неизвестным.

Вот несколько выдержек из «Хроники» Розе, подтверждаемых почти дословно и хроникой Фроммана.⁵ «В 1503 г. в монастыре кордельеров нарисовали масляными красками образ Спаса Милостивого, у которого капли крови, нарисованные вокруг его ран, потекли вследствие сильных летних жаров. А из этого вышло, что народ собрался и кричал: «Чудо! Смилуйся!» — пока пришедший художник не объяснил секрета...» (гл. 35, стр. 196); «приносили мертвых младенцев в монастырь Богородицы Милостивой, чтобы их воскресить. Там проживали старухи, которые посредством фокусов и вздуваний приводили в движение перо, положенное младенцу на рот, и посредством согревания иногда вызывали у него пот и выделение мочи, потом кричали: «Чудо, чудо!» — а монахи звонили в колокола. Эти чудеса были объявлены советом выдумкой и запрещены монахам 11 мая 1535 г.» (гл. 50, стр. 214). «В декабре 1535 г. граждане разыскивали идолы и священные реликвии по церквам, чтобы ничего там из них не оставалось. Между прочим были найдены четыре достопримечательности. В храме св. Петра оказалась рука св. Антония, на которой приносили особые торжественные клятвы; оказалось, что это был совершенно высох-

¹ Doumergue, t. 41.

² *Иб.*, т. 455, 456.

³ Лависс-Рамбо. Всеобщая история, т. IV, стр. 571.

⁴ Dubech et D'Espezel. Histoire de Paris, p. 153.

⁵ Les chroniques de Genève de M. Roset, ch. 57 et 58, éd. par Fazy. Genève 1894, p. 58; A. Fromment. Actes et gestes merveilleux de la cité de Genève. Genève, Fick, 1854.

ший половой член оленя. Далее, мозг св. Петра, пользовавшийся высоким почитанием, оказался пемзовым камнем. В храме св. Гервасия, под главным алтарем, по словам священников, были погребены св. Назарян, Цельз и Панталеон, их тела считали святыми мощами, требовали их канонизации, а так как это не было сделано, то они стали прикладывать ухо к памятнику, под которым слышался как бы шум невнятного голоса говорящих людей. Было там еще отверстие, куда набожные люди опускали свои четки; их что-то так держало, что нельзя было вытащить назад. Секрет всего этого заключался в том, что под алтарем были большие расщелины в земле, расположенные таким образом, что передавали малейший ветер, а крючки в отверстиях были расположены так искусно, что четки ими задерживались...»

Но в то время, когда реформация изобличала многочисленные «благочестивые обманы» католического духовенства, в то время, когда гуманисты вскрывали или высмеивали те или иные слабые стороны католического ритуала, в том числе почитание святых и реликвий, — в это самое время господствующая церковь особенно активно защищала эти свои больные места. В 1533 г. в Руане был сожжен священник Этьен Лекур, который между прочим говорил: «Если бы кости св. Петра находились в моей церкви, я приказал бы с почетом положить их в землю; но если бы мои прихожане стали чтить их, как святых, я сам бросил бы их в мешке в реку». Меры духовного воздействия, — отлучение, цензуры и т. п., — чередовались с судебными процессами, тюремными заключениями, ссылками и казнями. Если эти жестокие расправы практиковались еще в эпоху Вольтера и приводили в ужас просветителей XVIII в., то что же делали церковная власть и инквизиция в XVI в. с ненавистными им «еретиками», уличенными в осквернении святых, их икон и реликвий? Со своей стороны, и реформация вступала в боевую полосу своего существования — начиналось иконоборство. «21 мая 1530 г., — говорит один современник, — находят на улице Обри-ле-Буше изуродованным образ св. девы. Несколько лютеран выкололи глаза иконе богоматери и ее младенца, проткнули им сердце и нанесли им несколько ударов ножом, а также двум иконам — св. Роха и св. Фиакра». Подобные случаи все чаще и чаще отмечают современники. Ответом на них были покаянные процессии ревнителей католицизма и новые меры строгости против еретиков. Поставленные перед судом виновные не отрицают своего преступления, напротив ставят себе в заслугу, что совершили тот или иной кощунственный акт против идолопоклонства. Ими владеет жажда подвижничества и мученичества.

Кальвин, в душе хотя и не одобрявший излишней пылкости своих последователей, все же сознавал, что иконоборство навеяно его выступлениями против католического ритуала. Он должен был сказать в их защиту свое веское слово. «В 1543 г., — говорит один из его биографов, Колладон, — он составил на французском языке небольшую книгу «Предупреждения»¹ о том, что было бы весьма полезно составить перечень всех реликвий, почитаемых папистами как во Франции, так и в Италии, Германии, Испании и других странах. В этой книге он вскрывает не только обнаруживающиеся в этом заблуждение и идолопоклонство, но и совершенно явные обманы священнослужителей, когда в различных церквях, городах и землях одни и другие

¹ Полное заглавие «Traité des reliques»: «Предупреждение весьма полезное о великой пользе, могущей произойти для христианства, если бы оно составило перечень всем святым мощам и реликвиям, находящимся как в Италии, так и во Франции, Германии, Испании и др. королевствах и странах». Биография Кальвина, написанная Колладоном, помещена в Opera Calvini, t. XXI.

приписывают себе обладание одной и той же вещью. Впрочем, он не исчерпал вопроса, но только привел ряд примеров, правда в достаточно солидном числе, и такие факты, каких нельзя отрицать. Однако его намерением было расширить названную книгу, если бы только из указанных стран он мог бы получить информацию о других подобных предметах, так как их там без конца, помимо тех, о которых он упомянул. И действительно, он часто, посмеиваясь, укорял некоторых из своих близких и друзей, что они не дали ему средства составить более обширный отчет об этих вещах».

Итак, основной задачей Кальвина при составлении «Traité des reliques» было собрать сведения о важнейших реликвиях, имеющих на Западе, и указать обман и подлоги духовенства. Это, действительно, и составляет главное содержание «Traité». Начинает он с Иисуса Христа, его зубов, волос, кожи, сохранившейся от обрезания, вифлеемских яслей, сосудов из-под вища на браке в Кане Галилейской, тернового венца, гвоздей, креста, плащаницы, отпечатков его ног, его изображений и пр. Потом переходит к св. деве, св. Иосифу, Крестителю, апостолам, Лазарю и Магдалине, сотнику Лонгину, мученикам и святым. Наконец, бегло останавливается на реликвиях архангелов и Ветхого завета. Перечисляя реликвии, он доказывает несостоятельность каждой из них. Главным аргументом его является наличие тождественных реликвий сразу в нескольких местах. «Я не могу в этой книжке сделать все то, что мне хотелось бы сделать, потому что потребовались бы документы со всех стран, чтобы знать, какие в каждом месте имеются реликвии, ради их сопоставления. И тогда можно было бы увидеть, что каждый апостол имел бы больше четырех тел, а каждый святой — по два или по три; и то же было бы и со всем прочим» (стр. 95). Вот, например, крест господень: «евангелие удостоверяет, что крест мог нести один человек. Какова же наглость наполнить землю кусками дерева в таком количестве, что и 300 человек его не смогли бы нести!» (стр. 113). Вот наконечник копья, которым пронзили тело Христа: «Он мог быть только один; но надо сказать, что он прошел через горн какого-нибудь алхимика, потому что он уцвервился, не говоря уже о тех наконечниках, которые могут быть там и сям, но о которых я не слыхал. Один наконечник в Риме, другой в св. Капелле в Париже, третий в аббатстве Латенай в Сентонже, четвертый в Ласов близ Бордо. Какой же надо теперь признать настоящим?» (стр. 118). «Что касается тернового венца, то надо сказать, что кусочки его были посажены, чтобы вновь вырасти; иначе я не знаю, каким образом он мог бы так разрастись». В таком полусерьезном, полуплутовском духе перебирает он реликвии, одну за другой. Признавая невозможным сейчас решать вопрос о подлинности той или иной из них, он все их считает неприемлемыми. Он указывает еще и на то, как недостаточны его сведения. В Германии он имеет материал только для шести городов, в Испании для трех, во Франции для 30—40. Конечно, это далеко не все; совсем не представлен Восток. «И вот я спрашиваю, — говорит Кальвин, — если христиане восточной церкви скажут, что все то, чем, по нашему мнению, владеем мы, находится у них, какое заключение придется тогда сделать?»

Он очень искусно пользуется рассказами библии и ранних церковных писателей; разоблачая позднейшие выдумки и подлоги или даже простое невежество. В одном месте показывает вино, называемое архитриклиновым; так будто бы звали новобрачного в Кане. Откуда они взяли имя? Просто они все спутали, говорит Кальвин: архитриклин — даже не собственное имя, это просто распорядитель на пиру (стр. 107). Важным аргументом для него являются и недавние примеры

из женеvской действительности, отмеченные нами выше. Он удивляется легковерию людей относительно реликвий: все принимается на веру, ничто не вызывает сомнений. «Надо, — говорит он, — заметить, что главные реликвии, и притом самые подлинные, из находящихся в Риме, доставлены туда, по их словам, Титом и Веспасианом. Но ведь это ложь, столь же явная, как если бы сказать, что турок отправился в Иерусалим искать подлинный крест и привезти его в Константинополь... Но это были язычники, которым до Христа так было мало дела, как если бы он никогда не существовал. То же можно сказать об их наглой лжи, когда они ссылаются на Годфрида Бульонского или Людовика Святого, как ссылались на Веспасиана. Более того, пусть люди подумают, каково может быть свидетельство короля, проzванного святым Людовиком, и ему подобных. У них было усердие и ревность к насаждению христианства; но если бы им показали козий помет и сказали: «вот четки богородицы», — они привезли бы их на кораблях сюда и поместили бы их в почете в каком-нибудь месте» (стр. 135).

Наконец, Кальвин обращается к здравому смыслу верующих. Он указывает такие странные реликвии, как отпечаток ноги господа в Пуатье, о чем мы уже говорили. Явная нелепость некоторых реликвий его возмущает. «Самая забавная реликвия этого типа, — говорит он, — это отпечаток на камне христово седалища в Реймсе, в Шампани сзади главного алтаря; и они говорят, что это образовалось в то время, когда господь наш сделался каменщиком, чтобы построить портал тамошнего храма. Такое богохульство столь отвратительно, что не стоит больше и говорить» (стр. 138). Целый ряд реликвий обнаруживает свою несостоятельность при простом знакомстве с ними; например, показывают рубашку девы Марии, столь большую, что она годилась бы для гиганта (стр. 146), и башмаки Иосифа, такие маленькие, что годились бы лишь для карлика. Или такие реликвии, как капля молока богородицы и кровь Христа, пролившаяся во время его обрезания по еврейскому обряду, или, наконец, следы пребывания во Франции Лазаря и его сестер, будто бы здесь проповедывавших евангелие.¹ Вывод его из всего этого следующий: «Так обстоит дело с реликвиями; тут все так туманно и запутанно, что нельзя было бы почитать кости того или иного мученика без того, чтобы не рисковать поклониться костям какого-либо разбойника или грабителя или, скорее того, осла, или собаки, или лошади. Нельзя почитать кольцо богородицы или ее гребень, чтобы не рисковать поклониться украшениям какой-нибудь распутницы. Потому, кто пожелает, пусть остерегается этой опасности, потому что никто отныне не будет в праве ссылаться в оправдание на свое незнание» (стр. 196).

Кальвин пошел дальше своей основной задачи — он поставил и попытался разрешить и ряд принципиальных вопросов, связанных с культом реликвий. Откуда взялось почитание реликвий? Этот вопрос Кальвин решает в духе реформации и главную ответственность за это пагубное заблуждение возлагает на дьявола: «Дьявол, видя людскую глупость [т. е. почитание мошей святых], не удовольствовался тем, что в одном отношении обманул людей, но пустил в ход и другой обман, заключавшийся в том, чтобы придавать значение реликвий святых и тому, что носило вполне мирской характер. А бог в наказание настолько отнял разум и сознание у маловерных, что

¹ Недавно этой легенде была посвящена целая статья: Vacandard. De la venue de Lazare et de Marie Magdalaine en Provence (Rev. des quest. hist., 1924, avril).

они без дальнейших расследований принимали все, что им показывали, не делая различия между белым и черным» (стр. 93). Люди, продолжает он, все принимали на веру: «человечество оказалось настолько ослепленным, что, как бы ни называли показываемый людям предмет, они его принимали, не входя ни в какое обсуждение. Таким образом, какие бы кости осла или собаки ни пожелал представить им в качестве костей мученика первый попавшийся шутник, люди без всяких возражений с большим благоговением относились к ним» (стр. 91). Кальвин и хочет «разбудить спящих». Он обращается и к государям (стр. 99) с напоминанием об ответственности перед богом, об их обязанности рассеять обман, нависший над их подданными.

Если в этой части аргументация Кальвина может показаться иногда наивной и странной, то интереснее его возражения против почитания реликвий вообще. «Вместо того, — говорит он, — чтобы искать Христа в его слове, в его таинствах и в его духовных милостях, люди, по своему обыкновению, погнались за его одеяниями, рубашками и бельем и, делая это, пренебрегли главным и увлеклись второстепенным. Точно так же поступили они и с апостолами, мучениками и прочими святыми. Именно, вместо того чтобы размышлять над их жизнью, дабы следовать их примеру, они все свои старания обратили на то, чтобы созерцать и беречь, как сокровища, их кости, одеяния, пояса, шанки и тому подобный хлам» (стр. 86). Кальвин ссылается на слова своего любимого авторитета — апостола Павла, который говорит, «что Иисуса Христа он не будет впредь после его воскресения познавать по его плоти, показывая нам этими словами, что все, что есть в Христе плотского, следует позабыть и оставить позади, дабы употребить и приложить все наше старание к тому, чтобы искать его и обладать им в духе» (стр. 88). Собираение реликвий, говорит далее Кальвин, неизбежно приводит к тому, что люди из них делают себе идолов. «Даже и не требуется долго рассуждать насчет того, хорошо ли, дурно ли иметь реликвии, чтобы только хранить их, как вещи драгоценные, не поклоняясь им. Ведь опыт нам показывает, что одно почти никогда не обходится без другого. Правда, св. Амвросий, рассказывая о Елене, матери императора Константина, с большим трудом и великими затратами разыскавшей крест господя нашего, говорит, что она чтит не дерево, а распятого на нем спасителя, но чрезвычайно редко, чтобы сердце отдавалось той или иной реликвии без того, чтобы оно не осквернялось и не заражалось одновременно каким-нибудь суеверием. Я согласен, что люди не доходят сразу до явного идолопоклонства, но постепенно переходят от одного заблуждения к другому, пока не падут в пропасть... Нельзя приводить в оправдание, что здесь было беспорядочное усердие нескольких простецов или неразумных женщин. Нет, это общее заблуждение, одобряемое теми, которые держали в своих руках управление и руководство церковью; мало того, кости покойников и все другие реликвии поместили на главном алтаре, на самом высоком и самом видном месте, чтобы дать возможность поклоняться им наиболее торжественно. Вот как неразумное желание, бывшее первоначально, — собирать сокровища реликвий — превратилось в столь очевидную глупость, что люди не только совсем отвернулись от бога, чтобы увлечься вещами тленными и бесполезными, но и путем отвратительного святотатства стали поклоняться мертвым и бесчувственным творениям, вместо единого живого бога» (стр. 89—91).

Этого мало: в самом почитании мощей и реликвий Кальвин видит нарушение церковных традиций. «Христиане, — говорит он, — должны

были бы оставлять тела святых в их гробницах, повинуюсь приговору, имеющему отношение ко всем людям, что любой человек есть прах и вновь обратится в прах, а не возносить их в роскоши и блеске, устраивая для них преждевременное воскресение. Но этого не послушались, а наоборот, вопреки велению божию вырывали тела верных и возносили их во славе, вместо того, чтобы предоставлять им лежать в гробах на месте упокоения, в ожидании последнего дня» (стр. 92). Самое изобилие реликвий, оставшихся от святых, вроде башмаков, платя, украшений и т. п., дает лишний раз Кальвину повод обвинить своих противников в искажении духа ранней церкви: «Вы приравняете святых к вашему духовенству, живущему в роскоши и богатстве, но святые жили в бедности и среди лишений; могло ли от них остаться столько разных вещей?»

Такова аргументация Кальвина против почитания мощей и реликвий. Как и в других своих сочинениях, так и в «*Traité*» Кальвин преследует три основные цели. Он стремится доказать, что католическая церковь сошла с пути истинного, своими нововведениями исказила заветы Христа. Далее, он изобличает ее в кощунстве, так как она единственного искупителя и посредника между богом и людьми заменила целым воинством святых. Наконец, он обвиняет ее в идолопоклонстве, потому что она поклонение богу оставила ради реликвий святых. Много общего между «*Traité*» и другими его сочинениями и в том отношении, что критические приемы везде одни и те же. Арсенал осадных орудий у Кальвина составляют библия, творения ранних церковных историков и богословов, особенно Августина, собственные наблюдения и наблюдения современников и единомышленников и здравый смысл. Но хотя Кальвин и принадлежал к современникам Ренессанса, но многим из них уступает. Когда он говорит: «В евангелии об этом не сказано», — это для него безапелляционно. В одном письме свидетельство евангелия он прямо уподобляет «истине». Так же непоколебимо он верит своим личным наблюдениям, своим источникам.

Ирония Кальвина подчас имеет острый и злобный характер. Вот, например, его рассуждение о Лазаре и Магдалине: «Лазарь, насколько я знаю, обладает тремя телами... Так как Магдалина была женщина, то она и должна была уступить своему брату, потому-то она имеет только два тела» (стр. 172). Или другое, об Иоанне Крестителе, голову которого показывали в нескольких местах: «Поэты фантазируют, что некогда в Испании был царь, по имени Герион, имевший три головы: если бы наши мастера реликвий могли бы то же сказать о св. Иоанне Крестителе, то это было бы им очень кстати и помогло бы их выдумкам» (стр. 156). Иногда эта ирония превращается в настоящее глумление: например, коллекции реликвий Кальвин сравнивает с садками для зверей; реликвии зовет ходким товаром, хламом и т. п.; выставление их на поклонение верующим сравнивает с базаром и т. д.

Современная критика вполне подтвердила многие наблюдения Кальвина над отдельными реликвиями;¹ его принципиальные положения остроумны и глубоки; избранный им статистический метод при оценке реликвий очень убедителен. Литературные достоинства «Трактата», как и большинства литературных произведений Кальвина, тоже значительны: ясная, выразительная речь, остроумие, простота, логическая последовательность, выдержанность плана. Даже длинноты «Трактата», частые повторения, сдобренные тонкой иронией и выраженные в кра-

¹ См. Antin «Введение» к «*Traité*», р. 37 и библиографию работ по отдельным реликвиям.

сивой и отчетливой форме, не кажутся утомительными. Самые недостатки «Трактата» были скорее недостатками не самого Кальвина, а всей его эпохи, шумливой, грубоватой, любившей брань и сальные подробности. И общекультурное значение «Трактата» тоже было велико: при всем своем малом диапазоне критика Кальвина, поставленная им «с чисто французской резкостью» (Энгельс), освобождала современную ему человеческую мысль от многих застарелых суеверий, призывала разбираться в окружающем, обращалась к здравому смыслу человека, а не просто к слепой вере. В этом отношении «Traité des reliques» может занять место рядом с крупнейшими критическими работами этой эпохи, каковы творения Эразма, Лоренцо Валлы, Лефевра д'Этапля и др.
